

АЛЛА ДЕМИДОВА



ВЛАДИМИР
ВЫСОЦКИЙ

Алла Демидова. Избранное

Алла Демидова

**Владимир Высоцкий.
Каким помню и люблю**

«Издательство АСТ»

2020

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Демидова А. С.

Владимир Высоцкий. Каким помню и люблю / А. С. Демидова —
«Издательство АСТ», 2020 — (Алла Демидова. Избранное)

ISBN 978-5-17-118801-6

Знаменитая актриса Алла Демидова работала с Владимиром Высоцким в Театре на Таганке почти 15 лет: со дня основания театра и до самой смерти актера. Их связывали совместные спектакли, концерты, репетиции, поездки на гастроли, годы доброй дружбы. Оттого на страницах этих воспоминаний Высоцкий живой и настоящий. Мы слышим его речь, следим за различными событиями его жизни, включаемся в диалог о любимом артисте его родных и близких. А. Демидова рассказывает о феномене Высоцкого, который заключался не столько в его популярности, сколько в особом свойстве личности актера, многогранности его таланта. При жизни он стал легендой, таящей в себе множество загадок. Эта книга поможет читателю увидеть Высоцкого таким, каким он действительно был в жизни и на сцене.

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-118801-6

© Демидова А. С., 2020
© Издательство АСТ, 2020

Содержание

Вступление	6
Контуры портрета	8
До «Таганки»...	13
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Алла Демидова
Владимир Высоцкий.
Каким помню и люблю

Из разговора средневекового философа с сыном:

– Папа, а в человеке есть Бог?

– Есть.

– А в животных есть Бог?

– Есть.

– А в цветах есть Бог?

– Есть.

– А в цветах, которые отражаются в зеркале, есть Бог?

...И я не знал, что ему ответить.

Вступление

ВЫСОЦКИЙ...

Это имя и при жизни было легендой.

После его смерти именем Владимира Высоцкого называют вершины гор, новую планету, морской танкер, театры.

Феномен Высоцкого не только в его неслыханной популярности – это следствие огромного нравственного авторитета, репутации, проповеднического дара. Феномен – в свойстве личности, многогранности таланта.

В одном социологическом исследовании на вопрос: «В чем секрет популярности Владимира Высоцкого?» – на первое место вышел ответ о правдивости его творчества («пел правду», «показал правдиво жизнь», «не боялся сказать правду в глаза», «правда о нашей жизни без сокрытия недостатков» и т. п.). Дальше шли ответы о мужестве, смелости, силе духа («отстаивание принципов», «гражданственность от души, а не по закону», «бескомпромиссность», «смело затрагивал запретные темы», «выражал то, о чем думали все», и т. п.). Третье место отводится близости к реальной жизни («выражает сущность жизни», «умение найти точную характеристику современной жизни», «жизненная глубина»...). Четвертое место занимает доступность («простое изложение сложных истин» и т. п.). Пятое принадлежит самоотдаче, самосгоранию («вкладывал душу», «выстраданное творчество», «отдавал себя людям», «равнодушно слушать нельзя» и т. п.). На шестом месте стоит близость народу, народность. Далее отмечается искренность, откровенность, открытость, многоплановость, многогранность и т. д.

Для одних он Поэт, бард (кстати, Высоцкий не любил этих слов; он говорил: «Я не бард, не поэт – я сам по себе...»), для других – представитель массовой культуры; одни его хотят сделать знаменем протеста «застойного периода 70-х годов», другие стараются пригладить, затушевать неудобные аспекты его жизни и творчества – убрать ненужные для сегодняшнего дня сложности, компромиссы, уступки из его биографии; одни его помнят по театру, другие пишут о киноработах или исследуют его песенное творчество.

Я тоже не беру на себя смелость целиком охватить многогранность творчества Высоцкого – мне это не по силам...

Мы проработали с Высоцким в Театре на Таганке с 1964 года: со дня основания театра – до Володиной смерти. Много вместе играли, репетировали, ездили на концерты, жили рядом на гастролях. Вот об этом я и хочу рассказать читателям этой книги.

Без театра нельзя понять художественной индивидуальности Высоцкого. Но в театре его видело очень ограниченное число людей. При жизни Высоцкого попасть на «Таганку» простому зрителю было почти невозможно; в зале сидела так называемая престижная публика, для которой Высоцкий чаще всего был лишь модой.

Театральные критики о Высоцком писали мало: и из-за того, что не сразу обратили на него свое внимание, и из-за запрета публикаций о Театре на Таганке. По этим же причинам нет снятых на пленку спектаклей, где играл Высоцкий.

Остались его киноработы. Большие и маленькие роли. Успешные и менее успешные. Но экран не передает, к сожалению, той психической энергии, которая исходила от Высоцкого на концертах и спектаклях.

Однажды одного известного индийского факира, который на глазах у многотысячной толпы поднимался по веревке в небо, сняли на пленку. Когда проявили материал и посмотрели его на экране, то увидели, что факир сидит в спокойной йоговской позе, рядом с ним лежит моток веревки, а вся многотысячная толпа смотрит в небо. Пленка не зафиксировала гипноза.

После смерти Есенина Маяковский писал: «Сережа как литературный факт не существует. Есть поэт – Сергей Есенин. О том просим и говорить».

Для нас – актеров Театра на Таганке – Высоцкий был Володей, Володечкой, с которым можно было поболтать о чем угодно, посоветоваться, поссориться на репетиции или на спектакле, а после не разговаривать неделю, позлословить с приятелями о его очередных «выходах». Для всей страны он был мифом, легендой. Теперь же те, кто не знал его при жизни, хотят знать мельчайшие подробности его жизни. Мы же пытаемся разобраться в корнях этой легенды.

Существует расхожая истина: чтобы понять, как человек талантлив, нужно представить его умершим.

Теперь тиражирование его имени вызывает обратную реакцию.

При жизни он пел:

И хоть путь мой и длинен и долог,
И хоть я заслужил похвалу,
Обо мне не напишут некролог
На последней странице в углу —
Но я не жалею¹...

После его смерти мы с трудом смогли пробить маленькое сообщение в «Вечернюю Москву» и потом в «Советскую культуру».

Сейчас о нем пишут статьи и книги...

Пусть мои воспоминания послужат разноцветными камешками будущей большой мозаики – жизнеописания Владимира Высоцкого – для грядущего исследователя, которому по плечу будет такая масштабная работа. Ведь мы сейчас знаем о Пушкине больше, чем, например, его ближайший друг Соболевский (который, к сожалению, не оставил о нем своих воспоминаний, хотя, быть может, знал его лучше других). Современникам Пушкина не были известны и его переписка, и его дневники, и его последние работы, оставшиеся в рукописях, – весь тот огромный материал, который до сих пор всплывает по листочкам. Спустя полтора столетия...

Я не хочу проводить никаких параллелей, не хочу сравнивать ничьи судьбы. Как сказала в свое время Марина Цветаева: «Дело поэта: вскрыв – скрыть».

А кому раскрывать? Нам, живущим. Времени. Время – самый лучший судья. Оно все ставит на свои места: достойному – воздается, злободневность – забывается.

¹ Здесь и далее тексты и названия песен Высоцкого автор дает по памяти или по первоисточникам. – Ред.

Контурсы портрета

С чего начать? С того, как Володя пришел в наш только что организованный Театр на Таганке, а перед этим посмотрел дипломный спектакль «Добрый человек из Сезуана» и решил (по его словам) во что бы то ни стало поступить именно в этот театр? Пришел никому не известный молодой актер, сыгравший лишь несколько небольших ролей. Или рассказать о его сияющих глазах, когда он однажды появился в театре в новой вязаной коричневой куртке, перед которой был из искусственного меха? Или о том, как постепенно вырисовывалась внешняя пластика невысокого широкоплечего человека в узких, всегда очень аккуратных брюках (он любил оттенки коричневого), в ярко-красной шелковой рубашке с коротким рукавом, которая так ладно, красиво обтягивала его намечающиеся бицепсы. Как постепенно исчезала одутловатость еще не оформившегося лица и оно приобретало характерные черты – с волевым упрямым подбородком, чуть выдвинутым вперед...

Я не знаю, кому пришла в голову мысль сделать костюмом Гамлета джинсы и свитер. Думаю, это произошло потому, что в то время мы все так одевались. А Володя за время двухлетних репетиций «Гамлета» окончательно закрепил за собой право носить джинсы и свитер. Только цвет костюма в спектакле был черный – черные вельветовые джинсы, черный свитер ручной вязки. Открытая могучая шея, которая с годами становилась все шире, рельефнее и походила уже на какой-то инструмент, орган с жилами-трубами, особенно когда Высоцкий пел. Его и похоронили в новых черных брючках и новом черном свитере, которые Марина Влади привезла из Парижа. (Я первая написала, что мы хоронили его в костюме Гамлета; потом многие это повторяли, и я хочу внести нужное уточнение.) Над гробом свисал занавес из «Гамлета», и черный свитер воспринимался тоже гамлетовским.

К костюму у него было какое-то особое отношение – и в жизни, и на сцене. Ему, например, не шли пиджаки. И он их не носил – кроме первого, «твидового». Правда, один раз на каком-то нашем очередном празднестве после спектакля, когда все мы уже сидели в верхнем буфете за столами, вдруг явился Высоцкий в роскошном пиджаке – синем блейзере с золотыми пуговицами. Все застонали от неожиданности и восторга. Он его надел, чтобы поразить нас. И поразил. Но больше я его в этом блейзере никогда не видела. Тем удивительнее было для меня его решение играть Лопухина в белом пиджачном костюме, который ему не шел, но подчеркивал какую-то обособленность Лопухина от всех остальных персонажей спектакля и очень помогал ему в роли.

А его неожиданные порывистые движения... Как-то, в первые годы «Таганки», на гастролях в Ленинграде, мы с ним сидели рядом в пустом зале во время репетиции. Он что-то прошептал мне на ухо, достаточно фривольное, я резко ответила. Он вскочил и, как бегун на дистанции с препятствиями, зашагал прямо через ряды кресел, чтобы утихомирить ярость. Я ни разу от него не слышала ни одного резкого слова, хотя очень часто видела побелевшие от гнева глаза и напрягшиеся скулы. У меня сохранилась фотография; как-то на репетиции «Гамлета» Любимов мне сказал что-то очень обидное, я молча повернулась и пошла к двери, чтобы никогда не возвращаться в театр. Володя схватил меня за руку и стал что-то упрямо говорить Любимову. На фотографии запечатлено это непоколебимое упрямство: несмотря ни на что, этот человек делает так, как он хочет. Вот эта его самостоятельность меня всегда поражала. Мне казалось, что он в такие минуты мог сделать все. Вообще я думаю, что он ждал счастливого дня, когда сразу делал все дела, которые до того стопорились. Этот счастливый день он угадывал заранее особым звериным чутьем. Я помню, как-то после репетиции он отвозил меня домой, сказал, что ему нужно по дороге заехать в Колпачный переулок в ОВИР за заграничным паспортом. Был летний день. Я ждала его в машине. Пустынный переулок. И вдруг вижу: по этому горбатуму переулку сверху вниз идет Володя, такой ладный, сияющий. Садится

в машину и говорит: «Сегодня у меня счастливый день, мне все удастся, проси все что хочешь – все могу...»

Однажды, после душного летнего спектакля «Гамлет», мы, несколько человек, поехали купаться в Серебряный Бор. У нас не было с собой ни купальных костюмов, ни полотенец, мы вытирались Володиной рубашкой. А поодаль, в удобных пляжных креслах, за круглым столом, накрытым клетчатой красной скатертью, в разноцветных купальных халатах сидели французы, пили вино из красивых бокалов. Было уже темно, но они даже не забыли свечку, и эта свечка на столе горела. Мы посмеялись: вот мы у себя дома, и все у нас так наспех, «вдруг», а они – в гостях, и все у них так складно, по-домашнему, основательно. Через несколько лет за границей мы с Володией были в одной актерско-писательской компании и все вместе поехали к кому-то в загородный дом. Когда подъехали к дому, выяснилось, что хозяин забыл ключ. Но не ехать же обратно! Мы расположились на берегу реки, купались, так же вытирались чьей-то рубашкой. А рядом благополучная буржуазная семья комфортно расположилась на пикник. Мы с Володией обсудили интернациональное качество творческой интеллигенции – полную бесхозяйственность – и вспомнили Серебряный Бор.

На гастролях у него в номере всегда все было очень аккуратно. Володя любил заваривать чай, и у него стояли бесконечные баночки с разными сортами чая. А когда появилась возможность покупать экзотические вина, он любил красивую батарею из бутылок и не позволял никому дотрагиваться до нее. Все дразнили его за скупость, но он был тверд, а потом, в какой-нибудь неожиданный вечер, всё разом выпивалось – неизвестно с кем, почему, вдруг...

Так о чем написать? И как?

Упрекают нас, работавших с ним вместе, что не уберегли, что заставляли играть спектакли в тяжелом предынфарктном состоянии. Оправдываться трудно, но я иногда думаю: способен ли кто-нибудь руками удержать взлетающий самолет, даже если знаешь, что после взлета он может погибнуть. Высоцкий жил, самосжигаясь. Его несло. Я не знаю, какая это сила, как она называется: судьба, предопределение, миссия? И он – думаю, убеждена! – знал о своем конце, знал, что сердце когда-нибудь не выдержит этой нечеловеческой нагрузки и бешеного ритма. Но остановиться не мог...

От него всегда веяло силой и здоровьем. На одном концерте как-то он объявил название песни: «Мои похороны», – и в зале раздался смех. После этого он запел: «Сон мне снился...»

Тема жизни и смерти – тема «Гамлета». Спектакль у нас начинался с того, что выходили могильщики, рыли могилу, бросая настоящую землю на авансцене, откапывали череп... А заканчивался он словами Гамлета – Высоцкого, умирающего на фоне задней белой стены:

Ах, если б время я имел...
Но смерть – тупой конвойный
И не любит, чтоб медлили...
Я столько бы сказал!..
Дальше – тишина²...

На гастролях в Югославии мы посмотрели фильм Бергмана «Вечер шутов». Там есть сцена, где актер очень натурально играет смерть. После фильма мы шли пешком в гостиницу, обменивались впечатлениями, и я заметила, что актеру опасно играть в такие игры – это трясина, которая засасывает... Высоцкий со мной не согласился, сказал, что все люди смертны, все когда-то умрут, просто у каждого свой срок. А через какое-то время я прочитала в его стихотворении «Памяти Шукшина»:

² Все цитаты из «Гамлета» – по тексту спектакля Театра на Таганке. – А. Д.

Смерть тех из нас всех прежде ловит,
Кто понарошку умирал...

Кстати, в его стихах и песнях очень часто можно найти слова, обороты, целые предложения, которые вначале были просто в устной речи, в каких-то наших словесных играх, импровизациях, прибаутках. «Рвусь из всех сухожилий» я, например, услышала в его рассказе о том, как он играет Хлопушу, а уже потом – в песне. Часто в песнях возникали знакомые имена, но не потому, что песня была про конкретного человека, а просто понравилось имя. Был у нас в театре артист Буткеев. И возникло: «И думал Буткеев, мне челюсть круша...», но это не о нашем Буткееве, тот никогда спортом не занимался и был довольно-таки миролюбивым человеком.

Когда сейчас читаешь его стихи и песни, поражаешься обилию емких образов, яркости поэтических строчек, которые раньше я не замечала из-за магии его голоса, манеры исполнения.

А его предожухение смерти... Когда-нибудь аналитик-литературовед проследит связь между такими, например, строчками: «Когда я отпою и отыграю...», «Я в глотку, в вены яд себе вгоняю...», «Кто кончил жизнь трагически, тот истинный поэт...». Или, помните: «Срок жизни увеличился, и, может быть, концы поэтов отодвинулись на время», «устал бороться с притяжением земли, пора туда, где только “ни” и только “не”...»? А в «Кате-Катерине»: «Панихида будет впереди...»? Или: «Не поставят мне памятник где-нибудь у Петровских ворот...» Я уж не говорю о его прекрасном стихотворении «Монумент», где он абсолютно провидел свой памятник, что стоит теперь на Ваганьковском кладбище.

После смерти Высоцкого театр объявил конкурс среди художников и скульпторов на лучший памятник. В фойе была устроена выставка. Там много было интересных идей, но все они не годились для того места, где похоронен Володя. Он жил на юру и похоронен у самых ворот при входе на кладбище. Мне вначале было жаль, что на таком открытом месте мы его хороним. Но сейчас я понимаю, что, наверное, лучшего места и не сыскать. На этом уникальном московском кладбище лежит много хороших людей. Я часто думаю, вот бы им собраться, поговорить и попеть вместе. Потому что все люди – поющие, кто горлом, кто сердцем. Есенин, Шпаликов, Даль, Солоницын, Енгибаров, Миронов, Высоцкий...

И мы, друзья Высоцкого, не могли отдать предпочтение какому-нибудь проекту, выбрать решение. На худсовете я вспомнила рассказ С. А. Ермолинского о похоронах Михаила Булгакова. Сергей Александрович Ермолинский рассказывал, что Елена Сергеевна Булгакова не знала, какой поставить памятник, что ей кто-то показал большой камень со старой могилы Гоголя. Он никому не был нужен, потому что на могиле Гоголя стоял новый, недавно выполненный бюст. Елена Сергеевна заплатила рабочим, и те перетащили этот камень на могилу Булгакова. Кто не знает об этой истории, для того просто лежит камень и на нем надпись: «Михаил Афанасьевич Булгаков», годы жизни. Всем очень понравился этот рассказ, этот емкий образ преемственности. Я не помню, кому пришло в голову, что надо найти подобный камень, может быть, кусок метеорита или астероида, положить его на могилу Высоцкого, а внизу мелкими буквами написать: «Владимир Семенович Высоцкий, 1938–1980». Чтобы человек, читая, невольно наклонялся – кланялся и этому памятнику, и могиле Высоцкого, и старой церкви за ней, и всему кладбищу. Мы, к сожалению, не сумели воплотить этот замысел, хотя такой метеорит был найден и привезен в Москву, но... остался лежать во дворе дома отца Высоцкого.

И когда осенью 1985 года мы стояли на открытии бронзового монумента, я вспоминала стихотворение Высоцкого «Монумент» и думала, что и здесь он оказался провидцем.

Конечно, он жил «по-над пропастью», как он сам пел. Конечно, мы это видели. Конечно, предчувствие близкого конца обжигало сердце.

После окончания гастролей в Польше в начале июня 1980 года мы сидели на прощальном банкете за огромным длинным столом. Напротив меня сидели Володя и Даниэль Ольбрыхский с женой. Володя, как всегда, быстро съедал все, что у него было на тарелке, а потом ненасытно и жадно рассказывал. Тогда он рассказывал о том, что они хотят сделать фильм про трех беглецов из немецкого концлагеря. Эти трое – русский, которого должен был играть Володя, поляк – Ольбрыхский и француз (по-моему, Володя говорил, что договорился с Депардьё). И что им всем нравится сценарий и идея, но они не могут найти режиссера. Все режиссеры, которым они предлагали этот сценарий, почему-то отказывались, ссылаясь на несовершенство драматургии. Вдруг посередине этого разговора Володя посмотрел на часы, вскочил и, ни с кем не прощаясь, помчался к двери. Он опаздывал на самолет в Париж. За ним вскочил удивленный Ольбрыхский и, извиняясь за него и за себя, скороговоркой мне: «Я сегодня играю роль шофера Высоцкого, простите...» Я еще успела вслед ему сказать: «Не такая уж плохая роль», как в это время председательствующий Ломницкий, заметив уже в дверях убегающего Высоцкого, крикнул на весь зал: «Нас покидает Высоцкий, поприветствуем его!» И вдруг, совершенно интуитивно, от «нас покидает» меня охватила дрожь, открылась какая-то бездна, и, чтобы снять это напряжение, я прибавила в тон ему: «Нас покидает Ольбрыхский, поприветствуем его»...

В августе 1980 года в Доме творчества «Репино» мы с друзьями сидели, и каждый рассказывал, в какой момент он услышал весть о смерти Володи. Мне врезался в память рассказ Ильи Авербаха: «Мы жили в это время на Валдае. Однажды вечером я вяло пролистывал сценарий, который мне перед отъездом сунул Высоцкий, читал этот сценарий и раздражался на то, что сытые, обеспеченные люди предлагают мне снять картину о гибнущих от голода... Я читал и ругал их захламленные красной мебелью квартиры (хотя сам живу в такой), их «мерседесы», их бесконечные поездки через границу туда и обратно. И во время моего сердитого монолога я услышал по зарубежному радио сообщение о смерти Высоцкого. После шока, после всех разговоров об ожидаемой неожиданности этого конца я уже перед сном опять взял сценарий и стал его заново перечитывать. Мне там нравилось все. И я подумал, какой мог быть прекрасный фильм с этими уникальными актерами и как Высоцкий был бы идеально точен в этой роли...»

Подобный «перевертыш» в сознании и оценке я наблюдала очень часто и у себя, и у других.

Может показаться, что мы всерьез оценили Высоцкого только после смерти. Это не так. Масштаб его личности, уникальность ее ощущал каждый в нашем театре, пусть каждый по-своему. Но мы начинали вровень и жили вровень. Даже если кто-то из нас вырывался вперед. Мы в основном были одногодками. И у нас, может быть поэтому, не было иерархии среди актеров, обычной в других профессиональных театрах.

Сейчас для меня существуют как бы два образа Высоцкого, почти не смешиваясь между собой. Один – тот, которого хорошо знала при жизни, с которым репетировала, ссорилась, мирилась и который хоть и не был близким другом, но был очень близким человеком, про которого я вполне могла в свое время написать, как он удачно вел «мужскую тему» в наших актерских дуэтах (недавно я получила письмо от рассерженной читательницы, которая обвиняла меня в нескромности и защищала Высоцкого – мол, неужели он был для вас только фоном вашей «женской теме»?..). Этот образ для меня по-прежнему рядом, он живой. Я его очень хорошо чувствую и сейчас, знаю, как бы он поступил в той или иной ситуации, какой бы шуток среагировал на какое-либо замечание. Могу по фотографиям определить время, настроение, в котором он находился в тот момент, когда делалась эта фотография.

А другой образ – Владимир Высоцкий, он возник после многочисленных воспоминаний, после теоретических статей о нем, после тех его стихов, которые я не знала при его жизни. Этот Владимир Высоцкий принадлежит всем, и я напрасно обижаюсь на незнакомых людей, которые, не зная его при жизни, открыли его для себя недавно, полюбили и подходят сейчас к нам, знавшим и очень любившим его. Они подходят со слезами на глазах и благодарят «за

память» о нем. Первая реакция – возмущение (какое они имеют право!), а вторая – имеют, ибо любовь эгоистична и всегда присваивает себе объект любви. Владимир Высоцкий для всех. Как и Пушкин.

Но все-таки... Мы были рядом. От этого наши поступки были, на сегодняшний взгляд, иногда, может быть, недалёковидны.

Когда сейчас читаешь переписку Карамзиных или Вяземских 37-го года, поражаешься, как они могли злословить по адресу своего друга – ведь это Пушкин! Как могли отказать в долге – Пушкин просил у Вяземского деньги взаймы, чтобы уехать от кошмара последнего года жизни в Михайловское, и тот, имея деньги, отказал. Ведь эти деньги могли бы, может быть, спасти Пушкина от гибели! Но, видимо, у каждого своя судьба.

Нас, актеров «Таганки», часто упрекают в письмах, как мы могли не спасти своего товарища.

Как не удержали, почему заставляли играть?

В 1978 году на гастролях в Марселе Володя загулял, запил, пропал. Искали его всю ночь по городу, на рассвете нашли. Прилетела из Парижа Марина. Она одна имела власть над ним. Он спал под снотворным в своем номере до вечернего «Гамлета», а мы репетировали новый вариант спектакля на случай, если Высоцкий во время спектакля не сможет выйти на сцену, если случится непоправимое. Спектакль начался. Так гениально Володя не играл эту роль никогда – ни до, ни после. Это уже было состояние не «вдоль обрыва, по-над пропастью», а – по тонкому лучу через пропасть. Он был бледен – белый, как полотно. Роль, помимо всего прочего, требовала еще и огромных физических затрат. В интервалах между своими сценами он прибегал в мою гримерную, ближайшую к кулисам, и его рвало в раковину сгустками крови. Марина, плача, руками выгребала это.

В мемуарах не приняты такие натуралистические подробности – может быть, потому, что они могут обытовить, принизить светлый образ. Хочется, чтобы житейское ушло и осталась только память, дух. Так оно и бывает, но в исключительной судьбе все исключительно. Пушкин писал Вяземскому: «Мы знаем Байрона довольно. Видели его на троне славы, видели в мучениях великой души, видели в гробе посреди воскресающей Греции. – Охота тебе видеть его на судне. Толпа жадно читает исповеди, записки etc., потому что в подлости своей радуется унижению высокого, слабостям могущего. При открытии всякой мерзости она в восхищении. *Он мал, как мы, он мерзок, как мы.* Врете, подлецы: он мал и мерзок – не так, как вы – иначе».

Володя тогда мог умереть каждую секунду. Это знали мы. Это знала его жена. Это знал он сам – и выходил на сцену. И мы не знали, чем и когда кончится этот спектакль. Тогда он, слава богу, кончился благополучно.

Можно было бы заменить спектакль? Отменить его вовсе? Можно. Не играть его в июне 1980-го в Польше? Не играть 13 и 18 июля – перед самой смертью? Можно. Но мы были бы другие. А Высоцкий не был бы Высоцким.

Прошел срок – довольно большой – после его смерти. Я его теперь чаще вспоминаю, чем раньше. Он до сих пор мне дарит своих друзей, о существовании которых я даже не подозревала. По-другому я смотрю фильмы с его участием, по-другому слушаю его песни. Слушаю, чтобы набраться энергии, сил, жизнелюбия...

До «Таганки»... Факты биографии...

ВЫСОЦКИЙ. *Я родился и вырос в Москве, коренной москвич. Жил на 1-й Мещанской. Там окончил школу. Потом жил на Большом Каретном, где у меня было много друзей. Немного учился в строительном институте, ушел из него, поступил в Школу-студию МХАТа. С 1964 года работаю в Театре на Таганке. Да кому нужны факты моей биографии?.. Родился, жил... В моей жизни гораздо больше моментов и вопросов, которые для меня важнее.*

На самые важные вопросы актер всегда отвечает своими работами.

У Высоцкого в песнях сердитое, почти воинственное кредо: «Я не люблю, когда мне лезут в душу...» А сам в жизни иногда так распахивался, что страшно за него становилось. На анкету, например, которую составил в 70-м году осветитель нашего театра, многие отвечали не всерьез, закрываясь шутками, а Высоцкий отвечал на эти вопросы с абсолютной искренностью. Эту анкету потом часто публиковали, не обозначая, к сожалению, год, ибо ответы на некоторые вопросы с годами были бы другими...

- Любимые черты характера человека?
- *Одержимость, отдача.*
- Отвратительные качества человека?
- *Глупость, серость, гнусь.*
- Чего тебе не хватает?
- *Времени.*
- Чего ты хочешь добиться в жизни?
- *Чтобы помнили. Чтобы везде пускали.*
- Хочешь ли ты быть великим? Почему?
- *Хочу и буду. Почему? Ну, уж это, знаете!*
- Что бы ты подарил любимому человеку, если бы был всемогущ?
- *Еще одну жизнь!*

ИЗ АВТОБИОГРАФИИ, НАПИСАННОЙ В 1955 ГОДУ

Родился в 1938 году 25 января в г. Москве в семье служащих. Когда началась война, мой отец Высоцкий Семен Владимирович, окончивший к этому времени техникум связи, уехал на фронт, а я и мать остались в Москве. В 1943 году я и мать Высоцкая Нина Максимовна эвакуировались в г. Бузулук Казанской области. В 1945 году мы возвратились в Москву, и я поступил учиться в 273-ю школу Щербаковского р-на в 1-й класс.

В 1947 году отец, находившийся на военной службе, был направлен в Германию. Я также поехал с ним. Возвратился в 1949 году и поступил в 5-й класс 186-й школы Коминтерновского р-на и в 1955 году окончил 10-й класс.

В апреле 1952 года был принят в ряды ВЛКСМ. Взысканий не имею. За время пребывания в комсомоле в 8-м классе был членом комсомольского бюро. В X классе был редактором стенной газеты...

ИЗ УЧЕТНОЙ КАРТОЧКИ «МОСФИЛЬМА», ЗАПОЛНЕННОЙ В 1974 ГОДУ:

Рост – 170 см, вес – 70 кг, цвет волос – русский, цвет глаз – зеленый. Инструмент – гитара, рояль. Танец – да. Пение – да. Ставка в месяц – 150 руб., ставка за съемочный день – 40 руб.

СЛУЖЕБНАЯ АНКЕТА ВЫСОЦКОГО, ЗАПОЛНЕННАЯ В 1978 ГОДУ

Год рождения	25 января 1938 года
Национальность	Русский
Образование	Высшее
Специальность по образованию	Актер драмы и кино
Какими иностранными языками владеет	Французским (может объясняться)
Место рождения	Москва
Членство в КПСС	б/п. Ранее не состоял. Партвзысканий нет
Судебная ответственность	Не привлекался
Правительственные награды	Не имеет
Имеет ли родственников за границей	Жена. Де Полякофф Марина-Катрин. Киноактриса. В браке с 1970 года
Был ли за границей	1974 г. — ВНР, СФРЮ; 1975—1976 гг. — ВНР, СФРЮ, НРБ; 1973—1977 гг. — Франция (ежегодно)
Находился ли сам или кто-либо из родных в годы ВОВ в плену	Не находились
Участие в выборных органах в настоящее время	Не участвовал
Домашний адрес и телефон	Москва, Малая Грузинская, д. 28

ТРУДОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ:

1956—60 гг. — студент Школы-студии МХАТ им. Немировича-Данченко. Москва

1960—61 гг. — актер Театра им. Пушкина, Москва

1961—64 гг. — актер по договорам на киностудиях страны

1964 г. по настоящее время — актер Театра драмы и комедии в Москве.

СВЕДЕНИЯ О БЛИЗКИХ РОДСТВЕННИКАХ:

Жена – Де Полякофф Марина-Катрин (Полякова Марина Владимировна, Марина Влади) 1938 года рождения, уроженка Франции, киноактриса во Франции, проживает по адресу: Франция, Париж...

Отец – Высоцкий Семен Владимирович, 1915 года рождения, уроженец города Киева, начальник телеграфного цеха Главпочтамта, проживает по адресу: Москва...

Мать – Высоцкая Нина Максимовна, 1912 года рождения, уроженка Москвы, заведующая научно-техническим архивом НИИХИММаша, проживает по адресу: Москва...

Сын – Высоцкий Аркадий Владимирович, 1962 года рождения, уроженец Москвы, ученик 8-го класса, проживает по адресу: Москва...

Сын – Высоцкий Никита Владимирович, 1964 года рождения, уроженец Москвы, ученик 7-го класса, проживает по адресу: Москва...

Бывшая жена – Абрамова Людмила Владимировна, 1939 года рождения, уроженка Москвы, домохозяйка (бывшая актриса), проживает по адресу: Москва...

Бывшая жена – Высоцкая Иза Константиновна, 1937 года рождения, уроженка г. Горького, актриса. Брак расторгнут в 1965 г.

Говоря о жизни Высоцкого до того периода, когда он пришел к нам в Театр на Таганке, – я буду опираться в основном на рассказы его друзей, родственников и его самого. Хотя понимаю, что за давностью лет в документах и рассказах и самого Высоцкого, и его друзей будут встречаться неточности иногда по годам, иногда по фактам, но я не исследователь – хочу оставить все в первоизданном виде. Например, в маленькой автобиографии, приведенной выше, сам Высоцкий допустил несколько ошибок: в эвакуацию они с матерью уехали вместе с Московской парфюмерной фабрикой «Свобода» (где работал Владимир Семенович – дед Володи) осенью 41-го года в г. Бузулук Чкаловской (ныне Оренбургской) области, а вернулись оттуда не в 45-м, как об этом пишет Володя, а в 43-м году. Вернувшись в Москву, Нина Максимовна служила в бюро транскрипции и переводила на русский алфавит немецкие названия городов и сел (Нина Максимовна до войны окончила существовавшую тогда в Москве школу иностранных языков и получила специальность переводчика немецкого языка).

Или, рассказывая на одном концерте о своей учебе в строительном институте, Высоцкий сказал, что он проучился там полтора года, – это тоже ошибка, ибо в строительном он проучился менее одного семестра: поступил в сентябре 1955 года и подал заявление об уходе 23 декабря того же года.

Такие ошибки в рассказах и воспоминаниях неизбежны. Будущим ученым – исследователям жизни и творчества Высоцкого – придется все это тщательным образом проверять.

Владимир Семенович Высоцкий родился в Москве в родильном доме на 3-й Мещанской улице.

С матерью и отцом жили в огромной коммунальной квартире («на тридцать восемь комнаток всего одна уборная...») старого трехэтажного дома на углу 1-й Мещанской. Дом не сохранился – его сломали, когда перестраивали и застраивали новыми домами нынешний проспект Мира.

К сожалению, семья стала распадаться еще до войны, но официально родители оформили развод только в 46-м.

Война застала Володю в трехлетнем возрасте, и хоть, по воспоминаниям родителей, он рос не по годам развитым ребенком – с ходу запоминал длинные стихи, рано стал ходить и говорить, но тем не менее, когда он потом напишет:

Не боялась сирены соседка,
И привыкла к ней мать понемногу,
И плевал я – здоровый трехлетка,
На воздушную эту тревогу, —

думаю, что «плевал» не потому, что не боялся, а потому, что не понимал...

Помню, как в одну из бомбежек Москвы недалеко от нашего дома прямым попаданием снесло целый жилой квартал напротив кинотеатра «Ударник» (на этом месте потом разбили сквер) и все наши соседи ходили туда смотреть и рассказывали страшные истории с ужасными подробностями, но для нас – детей – тогда это не было трагедией. Это потом – и все эти рассказы, и неосознанно виденное глазами – вспыхнут в памяти и останутся у нас в крови как пережитое...

Рассказывает Нина Максимовна:

С раннего детства я замечала в ребенке удивительную доброту. Он мог, например, собрать детей из нашего дома 126 на 1-й Мещанской и всех кормить, и иногда оделял всех подарками: отдаст какую-нибудь игрушку, книжку, а то и свою рубашку или шапочку. Позднее, когда мы эвакуировались из Москвы с детским садом на Урал и жили в селе, я иногда приносила ему чашку молока – он и этим делился с другими детьми, говоря, что «у них ведь мамочки нет, и им никто не принесет...»

Я не чувствую за собой права касаться в этих воспоминаниях интимных отношений Высоцкого и его близких, хотя многое было перед глазами... Но без кое-каких фактологических сведений, мне кажется, не обойтись, поэтому я позволю себе дать несколько справок.

Отец Высоцкого Семен Владимирович родился в Киеве в 1916 году (в анкете Высоцкого указан 1915 год). В Москве закончил Политехникум связи имени Подбельского. В техникуме и познакомился с сестрой своего товарища Ниной, которая стала его женой. Первые годы они жили у родителей Нины Максимовны в маленьких двух комнатах коммунальной квартиры на 1-й Мещанской улице. Но до рождения внука ни отец, ни мать Нины Максимовны не дожили.

Жильцы этой квартиры были на редкость дружны, жили будто одной семьей. Некоторые соседи упомянуты в «Балладе о детстве»: метростроевец – «отец Витькин с Генкой» – Евдоким Кириллыч, соседка Гися Моисеевна с мужем, который во время Гражданской войны был на подпольной работе, пошел добровольцем в народное ополчение в Отечественную войну и не вернулся. Для маленького ребенка чем больше соседей, тем больше впечатлений, тем интересней, тем радостней. К каждому можно было зайти в гости. Там же, в этой квартире, были и первые друзья.

Рассказывает Нина Максимовна:

Володя рос очень интересным ребенком, очень занятым. Рано начал говорить. Первая его фраза, которую произнес, стоя вечером на крыльце дачи, была: «Вон она, луна!» К двум годам знал много стихов и читал их довольно выразительно. При этом обязательно должен был забраться на какое-нибудь возвышение – на детский стульчик, чаще всего на табурет, откидывал со лба свои белокурые волосы и громко, не по-детски серьезно читал длинные стихи. У нас часто собирались дети, и любимым их занятием была игра в театр. Я сама увлекалась театром и даже в трудные военные годы находила возможность пойти с сыном на спектакль. Впервые Володя попал в театр, когда ему еще не было и трех лет. В кукольном театре на улице 25-го Октября мы смотрели

забавный спектакль про зверюшек, назывался он «Цветные хвостики». После этого Володя рассказывал своим маленьким друзьям обо всем, что видел, рассказывал подробно, образно и там, где нужно, с юмором.

Однажды, много позже – когда мы были с театром на гастролях в Ростове-на-Дону, я зачитывалась дневниками Л. Н. Толстого, и тогда меня поразило, что Толстой себя сознательно помнит с четырехлетнего возраста. Мне казалось это необычно ранним воспоминанием. И я приставала ко всем с вопросом: «С какого возраста ты себя помнишь?» Володя на это ответил: «С двух лет». Я не поверила.

ВЫСОЦКИЙ. *Я помню, например, как я провожал отца на фронт, досконально просто, до одной секунды, как меня на Ржевском вокзале привели в поезд, как я сел, сказал: «Ну вот, поедем!» Потом они говорят: «Ну вот, придем на перрон, там погуляем...» И вдруг я смотрю: отец уже машет мне платком. А обратно домой меня нес на руках дядя Миша, муж Гиси Моисеевны, потому что я был совершенно растерян и молчал, обидевшись, что меня так обманули... Я уже ехал с отцом, и вдруг он меня не взял. Очень хорошо помню, как мы пришли домой.*

Рассказывает Нина Максимовна:

Помню, в первые дни войны его не с кем было оставлять дома и я брала его с собой на работу. Тогда, в июле сорок первого, в Москве начались воздушные тревоги и бомбардировки, прерывалась работа в учреждениях, люди укрывались в бомбоубежищах. Так однажды и мы с сыном оказались в убежище. Он еще не понимал происходящего, резвился, со всеми разговаривал, похвастался, что знает много стихов... Потом я увидела, что он уже стоит на табурете и громко читает:

На Дальнем Востоке, в туман и пургу,
Стоит пограничник и смотрит в тайгу.
Туманом клубится глухая тайга,
Боец на границу не пустит врага.

Присутствующие, конечно же, были очень растроганы...

Евгения Степановна – вторая жена Семена Владимировича – была для Володи большим другом и практически второй матерью. Он называл ее сначала мамой, потом «тетей Женечкой», очень ее уважал, прекрасно к ней относился, всегда о ней хорошо говорил. «Во всяком случае, он лавировал между родителями, всем хотел так сделать хорошо, никогда не огорчать», – говорит Нина Максимовна.

В Германии Володя учится в советской школе, там заканчивает 2-й, 3-й и 4-й классы, там же он учится в музыкальной школе, где получает зачатки музыкального образования.

Рассказывает Семен Владимирович:

Чтобы ему было интересней учиться, стала брать уроки и Евгения Степановна. Слух у сына, как говорил немецкий учитель музыки, абсолютный. Ему было легче играть по слуху, чем с листа. В нашем доме всегда стояло фортепьяно. Я сам тоже играл на фортепьяно по слуху. В молодости я учился музыке, любил петь песни Вертинского, Дунаевского...

Много лет спустя в фильме «Место встречи изменить нельзя» Володя изобразил, как я пел песни Вертинского, а потом спрашивал, узнал ли я себя... Похоже было, как копейка в копейку...

Выделялся Володя среди сверстников и своей памятью, феноменальной, я бы сказал «железной» памятью. Помню, как однажды в какой-то час выучил поэму Пушкина, очень быстро освоил немецкий разговорный язык. Сам научился плавать, бывало, на море уплывал далеко – видна была только точка, голова. Он был очень общителен, очень любил друзей, однажды даже велосипед оставил немецким мальчишкам. Каким он был тогда? Да, пожалуй, самым обычным. Играл в «казаки-разбойники», лазил по деревьям, часами пропадал на речке, хотя купаться там было небезопасно: еще не выловили со дна все снаряды и мины. Бывало, вместе с друзьями находили в лесу патроны, бросали их в костер. Мог взорвать найденную в лесу гранату. Один раз, помню, пришел домой с обгоревшим чубом, с обожженными бровями. Само собой, пришлось провести с ним соответствующую воспитательную работу. Вообще парень рос боевой. Думаю, будь он годков на пять постарше, во время войны наверняка бы удрал на фронт... Рос Володя мальчишкой добрым, честным. Учился легко, хотя неровно, много проказничал. Мог раздарить игрушки, любил собак, хотя у нас дома их не было.

В августе 1949 года Семен Владимирович получил назначение в Северо-Кавказский военный округ, куда прибыл с женой и сыном. Но уже в сентябре 1949 года был переведен в Киевский военный округ. Евгения Степановна с Володией вернулись в Москву, на Большой Каретный переулок, 15. Сначала в квартире № 4 у них была одна комната, потом прибавилась вторая; но все равно было тесно – к Евгении Степановне постоянно приезжали ее родственники из Армении. В 1953 году Семен Владимирович переводится в Москву и присоединяется к семье.

С 1949 года Володя учится в школе № 186 Коминтерновского района.

Евгения Степановна часто и надолго уезжала к мужу, Володя оставался один или со случайно заехавшими родственниками, иногда уходил к матери на 1-ю Мещанскую, но там был совсем уже чужой человек – дядя Жора, муж матери, и Володя опять возвращался на Большой Каретный. Выручали друзья – он подолгу жил то у Володи Акимова, то у Левы Кочаряна.

Эти бездомность и неустроенность останутся до конца жизни Высоцкого. Когда Володя учился на 3-м курсе Школы-студии, он женился на четверокурснице Изольде. Они живут с матерью в полутора комнатах на 1-й Мещанской (Нина Максимовна к тому времени разошлась со своим вторым мужем). Закончив раньше Школу-студию, Изольда по распределению уезжает в Ростов-на-Дону, и Володя опять мыкается по друзьям.

Когда же Володя женился на Люсе Абрамовой, они сначала живут в двухкомнатной квартире деда Люси на Беговой аллее, где кроме них еще четверо. А когда рождаются сыновья – Володя с семьей перебирается опять к Нине Максимовне, которая в 1963 году с Мещанской переехала в небольшую двухкомнатную квартиру на улице Телевидения (ныне улица Шверника, дом 11). С двумя маленькими детьми там повернуться было негде, и Володя опять стал часто жить у друзей. После развода Люся с детьми уехала к своим родственникам, а на улице Телевидения поселились с Ниной Максимовной Володя и Марина Влади. Потом они подолгу жили у друзей или просто снимали временные пристанища. В 75-м им удалось построить трехкомнатную хорошую, светлую, большую квартиру на Малой Грузинской улице. Поначалу Володя с увлечением обустроивал и обставлял эту квартиру. Кое-что было куплено из мебели, оставшейся от Коонен и Таирова. Володя очень гордился этим и всем обязательно показывал свой кабинет, где стоял письменный стол Таирова. Володя любил сидеть за этим столом, но работал везде, где придется. Очень много сохранилось, например, черновики его песен на

бланках заграничных гостиниц. В кабинете много книг. Особенно много альбомов по изобразительному искусству. Кухня была обита досками. Там же стоял большой деревянный стол и по бокам деревянные скамейки. Масса баночек из-под чая – Володя заваривал очень крепкий чай, пил одну заварку. Но потом бездомность опять завладела им. Он часто и надолго уезжал, если отпускали в театре: то на концерты в другие города, то в другие страны. В его квартире постоянно жили друзья и знакомые, а сам Володя про нее написал: «Берите без доплаты трехкомнатную камеру мою...»

А пока, в конце 40-х – начале 50-х годов, Володя живет на Большом Каретном в «первом доме от угла...» Каретный Ряд – район старой Москвы. Маленькие, узкие улицы. Невысокие дома. Уютные дворики. Рядом сад «Эрмитаж» с эстрадой, рестораном и театром. Недалеко – Центральный рынок и цирк. Бульвары. Проходные дворы. Вся детская жизнь в основном была на улице, вернее – во дворах. Здесь проходила первая коллективная этика, здесь формировался характер. Здесь играли, дрались, гоняли голубей, спорили до хрипоты, узнавали «тайны» человеческих отношений. Здесь чтили силу и талант общения. Здесь завязывалась дружба на всю жизнь.

ВЫСОЦКИЙ. Я жил в Большом Каретном переулке, почти напротив нынешнего Центрального театра кукол, когда это здание было просто кирпичной коробкой. Эстакады еще не было. Место между этой коробкой и другим серым зданием – это было мое самое любимое место. И весной, в первый день, когда было не сыкотно, а чуть-чуть подтаивало, и девочки уже начинали играть в классики, я сюда приходил и просто стоял, смотрел на живых людей, прохожих...

Рассказывает школьный друг Высоцкого Владимир Акимов:

В школе Высоцкий был заброшен, его часто лупили, довольно сильно поколачивали физически более крепкие ребята. Он привык ценить и уважать физическую силу и крепкие кулаки. Районы Москвы, где он жил, раньше считались не очень респектабельными, так сказать. Отсюда и его интерес к так называемым блатным песням. Этот интерес возник по большей части из чувства протеста...

Так называемые блатные песни были очень распространены в то время. Особенно среди подростков. После войны была объявлена большая амнистия, в Москву хлынуло много заключенных. Появился особый жаргон и какой-то особый кодекс чести, который предусматривал, помимо всего прочего, существенные принципы: не предавать своих ни при каких обстоятельствах, держать слово. Законы эти были очень жесткими...

После войны социальная атмосфера была беспокойной. Военные стрессы глушились водкой. Страна кочевала. Люди меняли города, семьи, дома... Появились банды. Как, например, знаменитая «Черная кошка». Про эту банду потом будет фильм «Место встречи изменить нельзя», где Высоцкий прекрасно сыграл капитана Жеглова.

В нашем послевоенном детстве «Черная кошка» была тем детским страхом, который надолго остается в жизни. О «Черной кошке» мы передавали друг другу жуткие истории и боялись ходить гулять в парк «Сокольники», потому что там орудовала компания мальчишек во главе с золотозубым Вале́й Гафто́м (ныне – прекрасным актером и человеком). Мы – центристы (я жила на Балчуге) – общались с арбатскими, покровскими, Ордынкой. Дружили в основном дворами. В каждом дворе была своя иерархия авторитетов. Были «маменькины сынки и дочки», и была остальная когорта, которая жила по законам улицы. Школьное обучение было в то время раздельное. Это тоже создавало свои кланы и условности. Когда по праздникам в нашу женскую школу приглашалась соседняя мужская – это было целое событие, которое

долго потом обсуждалось. Думаю, в мужской школе было то же самое. К таким вечерам долго готовились.

В школе были любимые и нелюбимые учителя. От этого зависели наши наклонности и будущие профессии.

Рассказывает Игорь Кохановский:

Мы оказались с Володиёв в одном классе, 8-м «В», и так учились до окончания школы. И мы с ним скоро подружились на одной общей страсти – любви к литературе, и в частности, любви к поэзии. Дело в том, что к нам в 1953 году пришла новая учительница литературы.

В то время период расцвета русской литературы в 20-х годах был не то что под запретом, но никто нам не говорил, что были такие русские поэты как Велимир Хлебников, Марина Цветаева, Борис Пастернак, Алексей Крученых, всякие там «ничевоки». И вдруг эта учительница стала нам рассказывать об этих поэтах и писателях. Достать их книги было негде, и мы с ним, естественно, бегали в библиотеку имени А. С. Пушкина и читали там взахлеб, выписывали стихи, многие знали наизусть. Я помню, одно время мы очень увлекались Игорем Северяниным, потом Гумилевым. Теперь я понимаю, что Володя был очень начитанным человеком. Он говорил: «У меня “взачит”», т. е. означало, что он взапой читает.

Теперь я задним числом понимаю, что строчка Гумилева «Далеко на озере Чад задумчивый бродит жираф» где-то у него в памяти засела, а потом вылилась в песню: «Один жираф влюбился в антилопу».

Эта же учительница открыла нам и Бабеля. Мы очень увлеклись этим писателем, все его «Одесские рассказы» знали чуть ли не наизусть, пытались говорить на жаргоне Бени Крика и всех других героев Бабеля.

Я бы сказал, что ранний, как говорят, «блатной», а вернее, фольклорный период творчества Высоцкого больше идет от «Одесских рассказов» Бабеля, нежели от каких-то невероятных тюремных историй, которые ему якобы кто-то рассказывал. Даже его известная строчка: «Чую с гибельным восторгом – пропадаю», – это почти парафраз строчки Бабеля.

Короче говоря, мы с ним увлекались литературой, стали очень много читать стихов и писать друг на друга какие-то эпиграммы, стихи на злободневные школьные темы.

«У Игоря Кохановского осталась толстая тетрадь, исписанная их стихами. Стихи, как я помню, получались довольно веселые», – вспоминает Нина Максимовна, но когда точно Володя начал писать стихи, она не помнит.

«Володя писал стихи с девятого класса, но мне не показывал, стеснялся», – рассказывает отец.

ВЫСОЦКИЙ. *Я очень давно пишу всякие там вирши. Раньше я писал всякие детские стихи, про салют, например. А потом, когда стал немного постарше, писал всевозможные пародии, среди них были и так называемые стилизации, «блатные» песни...*

У Нины Максимовны сохранился листок из ученической тетради, где простым карандашом Володя записал сочиненные стихи для капустника по случаю вручения школе подарка от японских сверстников.

Рассказывает Игорь Кохановский:

Когда я однажды получил травму на хоккейном поле, то по молодости и неопытности вставил себе один золотой зуб. Володя тут же написал на меня эпиграмму:

Ты, напившись, умрешь под забором,
Не заплачет никто над тобой.
Подойдут к тебе гадкие воры,
Тырсут кепку и зуб золотой.

В этом же доме на Большом Каретном жил также его очень хороший друг и даже дальний родственник Анатолий Утевский. Он был на два класса старше нас и потом поступил в МГУ на юридический факультет. Когда мы окончили школу, он уже проходил практику – на Петровке, 38, и ему выдали пистолет.

Знаменитая Володина строчка: «Где твой черный пистолет?» – это, значит, про него. И даже был случай, когда он позвал нас в качестве понятых...

В 10-м классе Владимир – редактор стенной газеты. Тогда же он посещает драмкружок в Доме учителя на улице Горького, руководителем которого был артист МХАТа Владимир Богомолов, который первым заметил у Володи актерское дарование и посоветовал ему пойти в театральную школу.

В 10-м классе мы вдруг взялись за ум, стали хорошо учиться, чтобы получить хороший аттестат или даже медаль и попасть в институт. Первую четверть мы с ним кончили прекрасно... только с двумя-тремя четверками, но отметки нам еще не успели выставить. 5 ноября 1954 года пригласили в соседнюю 37-ю женскую школу на праздничный вечер. Мы пришли на этот вечер, но было как-то скучно. И Володя говорит: «Надо что-то придумать, потому что девчата сидят скучные, носы повесили, какие-то стихи там читают, кому это все нужно? Я сейчас расскажу...» А тогда были очень популярны анекдоты, переделанные из басен Крылова на современный лад. И вот Володя вышел на сцену и с кавказским акцентом рассказал басню Крылова, как медведь, охраняя сон охотника и желая согнать надоедливую муху, севшую на нос охотника, взял булыжник и осторожно опустил его на голову мухе, правда, охотник при этом скончался. Басня имела громадный успех в зале, но Володе за нее поставили тройку по поведению в четверти. После этого мы поняли, что медаль Володе уже не дадут, мне тоже не нужно, и потому стали немножко по-другому учиться.

Рассказывает одноклассник Высоцкого Аркадий Свидерский:

Володя начал проявлять себя уже с 8-го класса. Он умел вести за собой людей и в то же время переживал: сможет ли он водить машину? Он считал тогда, что для этого нужно иметь какой-то дополнительный талант. А впоследствии научился, и довольно неплохо.

ХРОНОЛОГИЯ:

1955 г. – заканчивает 10-й класс 186-й школы, которая в Большом Каретном, и поступает на механический факультет Московского инженерно-строительного института имени В. В. Куйбышева.

1956 г. – поступает на актерское отделение в Школу-студию МХАТ.

В 1955 году Володя возвращается жить к матери на 1-ю Мещанскую. К этому времени на месте их старого дома построили огромный дом, и они получают полторы комнаты на троих

(мать, отчим и Володя) в новой трехкомнатной квартире вместе с бывшей соседкой Гисей Моисеевной и ее сыном. С соседями жили дружно. Почти коммуной. Одну комнату сделали общей, где обедали, ужинали, собирались с общими гостями и где стояла кровать Володи.

Рассказывает Нина Максимовна:

Когда Володя окончил 10-й класс, естественно, встал вопрос, где учиться дальше. Володя довольно решительно заявил: «Хочу в театральный!» Но мы все – и я, и его отец, и дедушка В. С. Высоцкий, – мы этого не хотели. Особенно его отговаривал от театральной карьеры дедушка, а он обладал особым даром убеждать. И убедил. К тому же Володин школьный друг Игорь Кохановский решил поступать в инженерно-строительный.

Рассказывает Игорь Кохановский:

Когда мы заканчивали школу, мы не знали, в какой институт поступать. Отец Володи, Семен Владимирович, сказал, когда мы пришли к нему посоветоваться: «Чтобы всегда был кусок хлеба, нужен технический вуз». Но в какой технический вуз идти, мы не знали тоже, поэтому решили выбрать самый красивый пригласительный билет на «День открытых дверей», которые вузы тогда рассылали по школам. Самый красивый пригласительный билет оказался из Инженерно-строительного института имени Куйбышева (МИСИ). Мы и пошли туда...

А тогда все институты были жутко спортивные, и в приемной комиссии стояли представители от каждого факультета и сразу спрашивали: «У вас есть спортивный разряд?» Я говорю: «Есть». – «Какой?» – «Первый». – «По какому виду?» – «По хоккею с шайбой». – «Все, – говорят, – идет, мы тебя берем». Я говорю: «Минуточку, я с другом!» – «Мы вам двоим поможем!»

Короче говоря, они нам действительно помогли, узнали накануне темы сочинений... Ну и у нас дома было уже по несколько экземпляров каждой из трех тем. Придя на экзамен, мы все это вынули, переписали и получили хорошие отметки. Все остальные экзамены сдали сами, так как учились мы, в общем, хорошо...

ВЫСОЦКИЙ. *Я учился в Строительном институте имени Куйбышева на механическом факультете, должен был получиться из меня инженер... Однажды ночью с моим товарищем в шестой раз переделывая чертеж по начертательной геометрии, сидел я, грустно на него смотрел. Он тоже посмотрел на мой чертеж... и захохотал. Тогда я вылил на чертеж тушь и сказал: «Все!» Вот с этого момента я понял, что инженера из меня не выйдет. А в это время я занимался в самодеятельности с мхатовским актером Богомоловым, и я решил поступать в Школу-студию МХАТ, что и сделал через полгода.*

Игорь Кохановский закончил строительный институт, но тоже не стал инженером, а добровольно поехал в Магадан и стал писать для «Магаданского комсомольца». В 1962 году Володя придет к нему и напишет за один день песню: «Мой друг уехал в Магадан. Снимите шляпу...»

Теперь Игорь тоже стал поэтом...

Рассказывает Нина Максимовна:

Я как-то зашла к ним на репетицию. Володя изображал крестьянина, который пришел на вокзал и требует у кассирши билет, ему отвечают, что билетов нет, а он добивается своего. Я впервые увидела его на сцене и до сих пор помню свое удивление, настолько неожиданны для меня были все его актерские приемы. После репетиции я подошла к Богомолу и спросила: «Может ли Володя посвятить свою жизнь сцене?» – «Не только может, но должен! У вашего сына талант», – ответил актер.

Володя до глубокой ночи пропадал в кружке. Он много мне рассказывал, как они репетируют, как сами готовят декорации, как шьют костюмы. Это было время одержимого ученичества, читал он запоем – впрочем, книги сын любил всегда, всю жизнь, и собирал их с большим старанием.

В июне 1956 года Высоцкий подает заявление с просьбой о допуске к приемным испытаниям в Школу-студию имени В. И. Немировича-Данченко при МХАТ СССР. 8 июля 1956 года на консультации в студии он читал Чехова, «Лучший стих» Маяковского и басню С. Михалкова «Слон-живописец» и был допущен к первому туру приемных испытаний, на которых получил «отлично» по истории народов СССР и иностранному языку, а за сочинение по русскому языку «хорошо». В учебной карточке Высоцкого оценка по специальности на приемных испытаниях не проставлена, но комиссия сделала заключение: «Слух – хороший, ритм – хороший, певческого голоса – нет».

Рассказывает Нина Максимовна:

Экзамены дались ему трудно. Дело осложнялось его хрипловатым голосом. Помню, я слышала, как говорили тогда о сыне: «Это какой Высоцкий? Который хрипит?..» Володя обратился к профессору-отоларингологу, и ему дали справку, что голосовые связки у него в порядке и голос может быть поставлен...

Есть странная закономерность у прекрасных театральных актеров: у них редки идеальные природные данные (бывают, наверное, и исключения). Я заметила, что если с первых курсов у студента все гладко ладится и внешние данные его отличные, из таких учеников, как правило, получаются средние профессионалы. Но если при наличии таланта и при желании самоусовершенствования у человека хватает недостатков (хриплый голос, небольшой рост, сутулость, не идеальная дикция, угловатая пластика и т. д.), при совершенствовании это создает неповторимость. Все, за что ругали Высоцкого как актера в начале его пути, потом сделало его яркой индивидуальностью.

Непреложный закон всех театральных школ: первокурсники обслуживают на дипломных спектаклях выпускников. А в 1956 году, когда Высоцкий был первокурсником, на сцене Школы-студии МХАТ молодые выпускники Г. Волчек, Е. Евстигнеев, И. Кваша, Л. Толмачева, О. Табаков под руководством артиста Центрального детского театра Олега Ефремова играли пьесу нового драматурга В. Розова «Вечно живые». Так рождался театр «Современник».

Еще в школе нашим любимым спектаклем был спектакль по пьесе Виктора Розова «Ее друзья», поставленный в Центральном детском театре Анатолием Эфросом. Мы – девятиклассники и девятиклассницы – были все поголовно влюблены в молодого актера, игравшего в этом спектакле застенчивого сибиряка, – Олега Ефремова. Главную роль в этом спектакле играла Татьяна Щекин-Кротова, руководительница нашего драматического школьного кружка. Думаю, что не без ее влияния мои школьные подруги Нина Головина и Таня Бестаева поступили в театральные училища и стали актрисами. Мне же для этого понадобилось еще и пять лет учебы в Московском университете.

Я прошу прощения у читателя за невольные экскурсы в собственную биографию – но мы хотя и не были тогда с Высоцким знакомы, жили в одно и то же время в одном городе, учились в школах, разделенных на мужские и женские, читали одни и те же книжки, слышали по радио одни и те же передачи, смотрели в театрах одни и те же спектакли, а в кино – одни и те же фильмы, участвовали в одних и тех же демонстрациях по праздникам 1 Мая и 7 Ноября, смотрели одни и те же салюты на Красной площади, по вечерам гуляли по одной и той же улице Горького, которую называли между собой «Бродвеем»...

Изменения в общественной, социальной и художественной жизни страны после 1956 года совпали с осознанным восприятием действительности у нашего поколения. Об этом много писали и еще будут писать, здесь я хочу только обозначить кое-какие вехи.

Художественная жизнь постепенно оживала. В театрах назрела необходимость новых выразительных средств, новой эстетики. Появляются новые имена. Во всех областях. В Политехническом, в студенческих аудиториях, у недавно воздвигнутого памятника Маяковскому читаются стихи: Слуцкого, Мартынова, Межирова, Евтушенко, Вознесенского, Рождественского, Ахмадулиной. Взошла звезда Булата Окуджавы. В кино – новые имена и новые фильмы: Г. Чухрай – «Сорок первый», С. Ростокский – «Дело было в Пенькове», М. Хуциев – «Весна на Заречной улице»... Алексей Баталов, Иннокентий Смоктуновский, Николай Рыбников, Татьяна Самойлова...

В 1957 году – в Москве Всемирный фестиваль молодежи и студентов. Все дни и ночи мы проводили на улицах и в парках – всюду эстрады, импровизированные концерты, песни, гитары, танцы... Первые гастролы зарубежных театров...

ВЫСОЦКИЙ. *Когда мы были студентами, мы прорывались всеми способами на интересные спектакли и кинопросмотры. Когда в Москве гастролитовал французский театр «Комеди Франсез», я на его спектакли через крышу лазил...*

У Высоцкого появились новые друзья-однокурсники: Жора Епифанцев, Роман Вильдан, Гена Ялович, Толя Иванов...

Очень много времени проводил он на знаменитой Трифоновке – в общежитии театральных училищ, где часто оставался ночевать. Недалеко от Школы-студии – дом отца, где старые друзья – большая компания более взрослых ребят. Они его прозвали – Шванц, что означало Хвост, потому что Володя, будучи еще школьником, хвостиком бегал за старшими, а потом, несмотря на разницу лет, сделался равноправным членом компании. Анатолий Утевский – студент-юрист, Левон Кочарян – тоже с юридического, но уже тогда мечтавший о кино, Артур Макаров – писатель и киносценарист, Володя Акимов – сценарист.

Рассказывает Артур Макаров:

Он был своеобразный человек – легкий, веселый, общительный, с очень ясными глазами. Правда, до определенного момента – когда он сталкивался с тем, что его не устраивало, глаза становились жесткими и прозрачными. Тот факт, что мальчик-школьник стал полноправным членом компании людей мало того что взрослых, но имевших уже определенную биографию, – говорит о многом...

Надо учитывать время, в какое развиваются те или иные события. В нынешней молодежи меня раздражает невероятный инфантилизм, отсутствие какого-то стержня, крепости на излом. Люди моего поколения были в молодости совсем другими. Но когда я начинаю думать, почему так происходит, я понимаю, что мы были люди счастливые – потому что все хорошо помнили, а многие знали войну (я уехал из Ленинграда в 1943 году

подростком), все много работали в разных областях, все много ездили – и по своей, и по чужой воле, у всех была какая-то своя, не всегда простая, судьба...

Он навсегда сохранил легкость, общительность, которые многие из нас потеряли. И уже тогда было ясно, что он – художник, что он – талант. Он тогда мечтал быть актером, и когда я с ним познакомился, он беспрерывно показывал всякого рода скетчи, розыгрыши, фантазировал. Он очень хотел быть актером...

Первым в их компании женился Лева Кочарян и поселился с женой в трехкомнатной квартире – по тем временам невероятной роскоши. Квартира была на последнем, четвертом этаже Володиного дома № 15 в Большом Каретном. Квартира, естественно, стала общим домом для всех. Это центр Москвы – удобно заскочить, выпить кофейку, занять пятерку до стипендии, переночевать. Перебывало там народу много. Но принимали далеко не всех. По какому принципу шел отбор? Думаю, что ценились люди крепкие, самостоятельные, с внутренним багажом прожитых или будущих биографий. Конечно, пили, но пили не для того, чтобы напиваться, а, как рассказывает Артур Макаров, чтобы отметить или чей-нибудь день рождения, или очередную дату (тогда отмечали и все революционные и все церковные праздники), или просто для тонуса, ибо разговоры иногда проходили сутками. Очень часто не хватало денег. В один из таких периодов пришлось сдать на время роскошную квартиру Кочаряна и всем перебраться в большую 40-метровую комнату Володи Акимова, но и там долго не удержались – кто-то уговорил его обменять свою комнату на меньшую в этом же доме, но с доплатой. В полученную приплату входил и старый, еле-еле работавший магнитофон «Астра». На нем крутили первые песни Булата Окуджавы и записывали бесконечные пародии и капустники. Пародии в ту пору записывались во всех компаниях, где были магнитофоны. Из-за одной, кстати, пародии на плохие революционные фильмы был разогнан в 1958 году почти весь третий курс сценарного факультета ВГИКа; из-за пародий на исторические учебники была исключена из Московского университета группа студентов. Эти капустники и пародии были первыми реакциями на официальное искусство и науку.

Высоцкий тогда еще сам не сочинял песни, а под гитару пел и записывал на этот магнитофон чужие песни: «На Перовском на базаре» (потом предложил ее в Театре на Таганке в спектакль «10 дней, которые потрясли мир») и «На Тихорецкую состав отправится».

Все вместе сочинили «Гимн тунеядцев», где был куплет:

И артисты, и юристы,
Тесно держим жизни круг.
Есть среди нас жида и коммунисты,
Только нет среди нас подлюг.

«Подлюг» среди них действительно не было.

Частыми гостями были Василий Шукшин и Андрей Тарковский. Однажды Андрей им предложил: «Ребята, давайте, когда будем богатыми, построим большой дом в деревне, чтобы все мы могли там жить...»

Тарковский впоследствии построил дом под Тарусой, но сам жил там недолго...

(У Тарковского Володя должен был играть в «Ивановом детстве» капитана Холина, в «Андрее Рублеве» сотника, но Высоцкий дважды его подвел – запивал к киносьемкам. Тарковский в работе этого не переносил и больше никогда не приглашал его сниматься.)

А пока всех устраивала 18-метровая комната, на стенах которой висела черная бурка отца Володи Акимова, старая шашка и огромная карта.

Рассказывает Артур Макаров:

Мы купили диван-кровать, шкаф, два кресла и журнальный столик. Потом кто-то из нас (уже не помню, кто) с первых своих дивидендов купил еще и обеденный стол. Потому что журнальный был для нас просто мал – каждый вечер меньше пятнадцати человек не собиралось. А постоянно жили в этой комнате четверо. Как разворачивались события в этой комнате к концу дня, когда нормальные люди отходят ко сну? Либо продолжалось общение, либо, если укладывались спать, – диван занимала единственная супружеская пара, составлялись два кресла для другого ложа; а на полу расстилалась бурка, на которой ложился Володя Акимов, хозяин комнаты. Была еще раскладушка для почетных гостей. А тот, кто приходил, потом укладывался где-нибудь в углу на газетах. Поскольку все время приходили люди, хозяин поступал таким образом: заворачивался в газеты и ложился на пол в углу, потому что знал, что все равно кто-нибудь придет и займет его место.

В этом доме, открытом для всех, побывало очень много разнообразных и интересных людей. Иногда кто-то приводил с собой бывшего фронтовика-инвалида, спивающегося теперь понемногу и зарабатывающего себе на хлеб какой-нибудь песней под аккордеон в электричках. Иногда появляется начинающий художник, и тогда до рассвета шли споры о только что прошедших выставках Эрзи, Пикассо, Рериха... Кто-нибудь приносил только что возникший журнал «Юность» с последней повестью Василия Аксенова... Это было время бесконечных анекдотов. Их прекрасно рассказывали, а иногда и сами сочиняли. Высоцкий очень похож и смешно пародировал своих учителей, Хрущева. Потом, когда Никита Сергеевич будет уже на пенсии и пригласит к себе в гости Высоцкого («Меня к себе зовут большие люди. Чтob я им пел “Охоту на волков”...»), Володя очень смешно и похоже передаст нам весь их разговор. Память на диалоги, характерную манеру речи у Высоцкого была уникальная. Он мог с абсолютной точностью передать только что услышанный разговор в поезде метро, например. Помогала острая наблюдательность и умение слушать. А слушать было кого. Время было бесконечных разговоров и споров. Шла переоценка духовных ценностей. И мы для себя с удивлением открывали мир.

Нет, я думаю, в нашем поколении ни одного человека, который бы не прошел в юности через эти бесконечные ежедневные компании. Повода не искали. Собирались просто, чтобы поговорить, потанцевать, попеть. Мне сейчас кажется, что мы тогда даже не ссорились, может быть, потому, что компании подбирались сразу по принципу духовного родства и братства.

Нас потом разбросает жизнь по разным городам и странам, но у Высоцкого до конца жизни останется удивительное свойство никого не забывать, приходить на выручку к своим старым друзьям...

Очень много пели. Самыми модными в Москве в то время были песни Окуджавы и Галича. Пели так называемые блатные песни – потом оказывалось, что они написаны профессиональными литераторами. Например, «Шумит ночной Марсель», как выяснилось, написал Николай Робертович Эрдман, который впоследствии станет другом театра, а Володя будет петь ему уже свои песни...

Друзья Володи, с которыми он в то время общался, рассказывают, что часто Володя пел какую-нибудь очень популярную песню, у которой, предположим, было шесть куплетов, а Высоцкий пел девять, его спрашивали: «Откуда еще три?» – оказывалось, что он их сам сочинил. Володя тогда еще не умел играть на гитаре, а аккомпанировал себе постукиванием или по деке гитары, или по столу, или просто по перилам лестницы, как рассказывает Жанна Прохоренко, учившаяся с ним вместе в Школе-студии МХАТ.

Хорошо играть на гитаре Высоцкий стал, я думаю, только к концу жизни, когда им был уже накоплен огромный опыт. Он постоянно учился у актеров нашего театра, профессионально

владеющих гитарой, – например, у Шуляковского, чей отец был знаменитым гитарным мастером. Думаю, что один из сыновей Марины Влади не без влияния Высоцкого поступил в Парижскую консерваторию на отделение гитары.

А своя гитара у Володи появилась в 10-м классе – ее и самоучитель к ней подарила Нина Максимовна, до этого Володя брал гитару у Игоря Кохановского.

Рассказывает Игорь Кохановский:

Когда я окончил семилетку, в честь этого события мама купила мне гитару, и я как-то быстро обучился этим несложным аккордам. И я знал почти весь репертуар Вертинского, так как мама меня воспитала на его песнях, а не на колыбельных. Я стал очень быстро подбирать эти мелодии на гитаре и даже исполнять их в школьных компаниях. Тогда мы часто встречались с Володи, он приходил ко мне днем и просил, чтобы я показал ему эти аккорды. А в то время очень популярным был ритм «буги-вуги», как говорят музыканты. И вот Володя пытался с помощью этих аккордов изобразить этот ритм «буги-вуги» и петь его на сленге. В то время был очень популярен Луи Армстронг, и Володя очень здорово его копировал, особенно его такой хрипящий, бархатный голос. Свою хрипоту он приобрел, может быть, еще и потому, что он очень здорово и смешно копировал Армстронга.

Рассказывает кинорежиссер Геннадий Полока:

Высоцкий поклонялся Урбанскому, как поклоняются младшие сильным и добрым своим коллегам. К тому же Урбанский пел, хорошо владел гитарой и очень много читал, особенно Маяковского, его любовную лирику. Читал он поразительно. Это было просто открытие. Урбанский ведь до «Коммуниста» был известен в Москве в основном как театральный актер. Урбанский был очень чистым человеком, страстным, ранимым и беззащитным. И вот за его искренность поразительную, за чистоту и любил его Высоцкий, и подражал ему. Он знал его репертуар и нередко пел «под Урбанского». Еще три-четыре года спустя можно было услышать магнитозаписи Высоцкого, владельцы которых пребывали в уверенности, что поет Урбанский: Высоцкого пока мало кто знал.

Впоследствии Высоцкий отрицал, что подражал кому-нибудь в жизни, и очень резко говорил о тех, кто подражает ему...

Рассказывает однокурсник Роман Вильдан:

...до сих пор старожилы студии вспоминают знаменитые капустники нашего курса. И заслуга в этом прежде всего Володи Высоцкого. Невозможно было без смеха смотреть его пародии как на педагогов (Массальского, Кедрова, Комиссарова, Тарханова), так и на разного рода знаменитостей, эстрадных певцов (начиная от Армстронга и кончая Утесовым) или просто на пресловутых героев американских ковбойских фильмов. Не зная ни одного слова по-английски, он мог в течение получаса имитировать этот язык. Причем так, что однажды слушавший его человек, в совершенстве владеющий английским, сказал: «Ничего не могу понять. Говорит вроде все правильно, а смысла нельзя уловить. Очевидно, какой-нибудь диалект». Помнится, на одной из лекций по эстетическому воспитанию актера дискутировался вопрос, каким человеком должен быть актер. Несколько грубовато ставилась тема:

«Актер и человек». По-своему перефразировав такую постановку вопроса, Володя подал реплику: «Актер, но человек». После укоризненного взгляда преподавателя он тут же, «невинно» смущаясь, добавил: «Я только хотел сказать, что и актер – человек». Вениамин Захарович Радомысленский, ректор института, который вел этот предмет, с трудом сдерживая улыбку, ответил: «У тебя в дипломе будет написано: “актер драматического театра и кино”, а ты – безнадежный сатирик...»

На курсе он был, конечно, «душою общества» —

...Хотел быть только первым, —
Такого попробуй угробь!

Не терпел никакой конкуренции. Это качество оставалось до конца его жизни.

Однокурсники рассказывают, как они после 3-го курса поехали на целину с концертами. В первом отделении они показывали отрывки из спектаклей, композиции по пьесам, читали стихи. Во втором – были песни, танцы, интермедии. Приезжая на новое место, кто-нибудь из участников «шел в народ» – узнавал местные новости. Высоцкий быстро вставлял это в куплеты, и на вечернем концерте, к восхищению местных зрителей, со сцены на мотив «У Черного моря», например, пелись куплеты на злобу дня.

Рассказывает Роман Вильдан:

Мы узнали, что в одном степном колхозе заведующий магазином обещал достать своим односельчанам живых судаков (это на целине-то!)... На концерте моментально прозвучал следующий куплет:

Толпится народ у отдела «рыбсбыт»,
живых судаков ожидая.
Качаясь, завмаг у прилавка стоит,
торжественно всем заявляя:

(шла музыкальная пауза)

– Товарищи, проходите, не толпитесь!
Есть в любом количестве!
– А где?

и под заключительную музыкальную фразу:

– У Черного моря!..

Рассказывает Георгий Епифанцев:

Я присутствовал при написании Высоцким его первого стихотворения в студии. Случилось это так. По традиции в сентябре каждого года старшекурсники устраивают вечер знакомства для первокурсников, где со сцены в виде капустника рассказывают им о жизни студии, о ее традициях, неписаных законах. А первокурсники тоже должны в конце ответить им и

показать себя, кто они такие, что за люди. И вот мы стали готовить первое в нашей жизни такое представление, первый капустник, за организацию которого взялся Геннадий Ялович, наш однокурсник. И вот Ялович узнал, что я с детства пишу стихи, а Высоцкий знает несколько аккордов на пианино, и поэтому поручил мне написать слова песни, а Высоцкому – подобрать несколько аккордов на пианино. Я никак не мог решить, о чем писать, советовался с Высоцким, мы ходили по Москве, потом пришли в сад «Эрмитаж», выпили бутылку пива на двоих, и вот, наверное, вдохновленный этим стаканом пива, Высоцкий вдруг отобрал у меня бумагу и карандаш и, не советуясь со мной, вдруг написал слова песни «Среди планет, среди комет...» И после этого на нашем курсе Высоцкий стал непререкаемым авторитетом, если нужно было написать какие-то, как он выражался, художественные слова на бумаге. А мне он всегда говорил: «Жора, ты вот рисовать умеешь, я за тебя все напишу, не надо, не пиши ничего!»

Рассказывает Роман Вильдан:

Годы были довольно трудные, многие из нас жили на одну стипендию, и не всегда удавалось наесться досыта. Володя часто меня и других однокурсников приглашал к себе домой – подкармливал, то супу нальет, то чаем угостит. Всегда это было очень кстати. Однажды в особо трудный период, перед самой стипендией, он приготовил дома целый противень горячей картошки с мясом и, старательно закрыв его, перебежал через дорогу и принес в общежитие. Надо было видеть наш восторг...

Основными педагогами были на курсе П. В. Массальский и А. М. Комиссаров. Преподавал актерское мастерство и В. И. Богомолов, с которым Володя, будучи еще в 10-м классе, занимался в драмкружке Дома учителя. Занятия шли, как и во всех театральных вузах: этюды, наблюдения, отрывки, пение, дикция, фехтование, танцы, лекции, экзамены...

На 3-м курсе художественным советом был отмечен отрывок из «Преступления и наказания» – сцена Раскольникова (Роман Вильдан) и Порфирия Петровича (Владимир Высоцкий). Высоцкий до этого котирировался как яркий комедийный актер – и вдруг показал неожиданную сторону своего драматического таланта.

В дипломных спектаклях был занят почти весь курс. В «На дне» Высоцкий играл Бубнова, в чеховском «Иванове» – Боркина, а в «Золотом мальчике» – Сигги.

Сохранилась программка дипломного спектакля:

«ЗОЛОТОЙ МАЛЬЧИК»

(п е р е в о д с а н г л и й с к о г о)

Постановка Тарханова

Роли исполняют:

Т. Ялович

В. Никулин

М. Добровольская

Г. Епифанцев

В. Попов

Л. Зверинцев

В. Камратов

Г. Бортников

Н. Мохов

А. Иванов

Т. Додина

В. Тульчинский

В. Высоцкий

В 60-м году я еще была в Студенческом театре МГУ, нашим руководителем был Ролан Быков. У нас был прекрасный спектакль «Такая любовь», на который ходила «вся Москва». Мы же, в свою очередь, бегали на дипломные спектакли театральных училищ, потому что в душе все мечтали о профессиональной сцене. Видела я и дипломный спектакль Школы-студии МХАТ «На дне». Я не помню, кто кого играл тогда, но помню, что после этого спектакля мы долго у себя говорили о равной подготовке нашей и выпускников студии и что надо, конечно, идти учиться в театральное училище, чтобы стать настоящим актером. (Правда, многие из нас потом стали хорошими актерами и без театрального вуза, Ия Саввина, например.) Но впоследствии, уже после смерти Высоцкого, я прочитала в воспоминаниях Ролана Быкова:

«В свое время я был главным режиссером в Театре имени Ленинского комсомола в Ленинграде и приезжал однажды в Москву отбирать выпускников Студии МХАТ в свою труппу. Выбрал одного Высоцкого – он играл Клеща (Бубнова. – А.Д.) в пьесе Горького “На дне”. Первое впечатление, которое он произвел на меня, – маленький, шупленький, с большой головой. Чем он меня привлек? У него была своя позиция, играл по-своему, от себя, в свое удовольствие».

К тому времени Ролан Антонович действительно оставил наш Студенческий театр и стал главным режиссером в Ленинграде, правда, ненадолго – вскоре он перешел в кино и стал сниматься в «Шинели» у Алексея Баталова, а потом сам стал ставить фильмы. Высоцкий, к сожалению, у него не снимался...

После 4-го курса Высоцкий по распределению стал работать в Московском театре имени Пушкина.

На бесконечных детских утренниках играл Лешего в «Аленьком цветочке» по сказке С. Т. Аксакова – острохарактерную роль. Высоцкий числился третьим исполнителем. Манера речи из этой роли надолго останется потом в Володиных смешных рассказах, в жанровых песнях (особенно про «нечисть») и в небольшом эпизоде – старуха-уборщица в спектакле Театра на Таганке «Берегите ваши лица!»... Были небольшие эпизоды – вводы в других спектаклях Театра имени Пушкина: в спектакле «Доброй ночи, Патриция» Высоцкий сыграл фото-корреспондента, в «Трехминутном разговоре» – шофера, в спектакле «Белый лотос» – древ-

него индуса, в «Дорогах жизни» – красноармейца, в «Трассе» – начальника отдела кадров, в «Ведьме» по Чехову – ямщика. Все это были небольшие эпизоды, где Высоцкий был к тому же не единственным исполнителем.

В 1961 году в театре был поставлен спектакль «Свинные хвостики» по пьесе чешского драматурга Я. Дитла. В этом спектакле Высоцкий был занят в массовке – он один из «мужчин и парней», танцующих, поющих и бреющихся у нелегального парикмахера.

ВЫСОЦКИЙ. *Когда я пришел в Театр имени А. С. Пушкина, в зрительном зале было очень мало людей. Надо было что-то предпринимать. И вот в этой ситуации туда пришел новый главный режиссер Б. И. Равенских, народный артист РСФСР, лауреат Государственных премий. Он был направлен в этот театр «на прорыв», чтобы ликвидировать убыточность театра, обновив репертуар и труппу. Равенских кричал: «Я всех уволю!» В общем, никого он не убрал, получилось так, что он предпринял половинчатые меры, хотя ему был дан «конт-блани» полный на 1,5–2 года: делай что хочешь, потом будем смотреть на результат твоей работы. Но он так на половине пути и остановился. Я понимаю, что это жестоко – менять труппу, увольнять людей и т. п., но без этого невозможно начинать новое дело, нужно приходить со своими людьми и еще как можно больше брать своих людей. Надо работать кланом, иначе ничего не получится.*

Конечно, этой работы для Высоцкого было мало. Неудовлетворенность в театре не могла не отразиться на настроении. Часто на сцене Володя бывал нетрезв, и Равенских за это несколько раз увольнял его из театра, потом восстанавливал, давал выговоры...

Фаина Григорьевна Раневская, которая тогда тоже работала в этом театре, рассказывала, что как-то стояла перед доской приказов и читала о бесконечных выговорах одному и тому же актеру за разные провинности: «Боже, кто же это такой смельчак?» – «Это я», – ответил худенький мальчик, который стоял рядом. Это был Высоцкий.

Потом такого рода приказы были и на Таганке, особенно в первые годы. И мы, актеры, «брали его на поруки» или нам удавалось уговорить Любимова отменить приказ...

Но из Театра имени Пушкина ему пришлось все-таки уйти...

Рассказывает Артур Макаров:

Поработал сначала в одном месте, потом в другом. Как он говорил про себя позже, сначала он был «Вовчик-премьер», потом – «Вовчик-дебютант», потом – «Вовчик-непрохонже». Был период, когда он ушел сперва из одного театра, потом из другого, потом дебютировал (показывался. – А.Д.) в «Современнике» в спектакле «Два цвета». Но совет «Современника», куда входили Ефремов, Табаков и другие известные, уважаемые люди, не смог ему простить одной вещи. В зале сидели его друзья (мы все пришли, естественно), и он позволил себе текст пьесы «интерпретировать» по-своему. Я не помню точно ни имени персонажа, в роли которого он выступал, ни слов роли, но помню, что речь шла о друге этого персонажа – мол, у меня где-то друг такой-то... А Володя вставил: «А вот у меня друг Лева Кочарян...» Хотя показался он успешно, но мэтры «Современника» (а они были уже тогда мэтры) были шокированы и решили, что не надо его брать в театр. Так и возник «Вовчик-непрохонже». Потом (до этого. – А. Д.) он работал в Театре имени Пушкина, исключал его оттуда Равенских девять раз, потом в Театре миниатюр (как он говорил, стал «Вовчик-миниатюр»).

Конечно, это был тяжелый период его жизни. Очень легко было сломаться и уже потом больше никогда не подняться. Таких примеров много...

ВЫСОЦКИЙ. *После окончания Школы-студии я начал работать: где-то болтался, прыгал-прыгал, все искал: куда? Работал в Театре имени Пушкина, там что-то случилось, поступал в театр «Современник»...*

Рассказывает Михаил Козаков, работавший в то время в «Современнике»:

Актер, поступающий в «Современник», должен сыграть показ – дело особое, специфическое, чрезвычайно трудное для абитуриента. Поступающий играет, как правило, в фойе театра. Сидят главный режиссер, худсовет, вся труппа. Показывающийся лишен привычной атмосферы спектакля, беспристрастного зала, естественных его реакций. Он играет перед придирчивыми коллегами что-нибудь из репертуара «Современника», актеры которого решают его судьбу...Высоцкий в этом театре со всеми был на «ты» и был сразу допущен на второй тур. И он выбрал роль Маляра из комедии чешского драматурга Блажека «Третье желание» и Глухаря, жулика в тельняшке, из пьесы А. Зака и И. Кузнецова «Два цвета». А надо сказать, что эти роли играли два ведущих, лучших актера театра Олег Табаков и Евгений Евстигнеев. Выбрать именно эти две роли было со стороны Высоцкого, мягко говоря, безрассудством. Куда вернее было наметить два слабых звена в цепи актерских ролей тогдашнего «Современника» и продемонстрировать абсолютное превосходство. Высоцкий, конечно же, это понимал. Но надо помнить, что это уже был Высоцкий! И он-то сам об этом знал. Беда в том, что в те времена, кроме него, об этом не знал никто. Для нас же, решавших его судьбу, это был младший товарищ по Студии МХАТ, не снимавшийся в кино, ничего не сыгравший в театре... Ну что мы о нем тогда знали? Что пел Высоцкий в студии какую-то «блатнягу», а мы, «современниковцы», тогда уже бредили Хемингуэем. Да, наглый малый. Ростом невелик, красавцем не назовешь, голос хриплый. Говорит – жилы на шее вздуваются. И не юный какой-то...На показе Высоцкий сыграл неплохо, но не блистательно. До Табакова и Евстигнеева ему и впрямь было далеко. Не принял Высоцкого «Современник» в свое святое братство, и пошел Высоцкий искать свою судьбу дальше. А мы его не взяли, собственно, не по злобе, не по ревности, а просто не сумели понять...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.